

УДК 316.2

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, Киев*

**Метатеоретические поиски социологов в
1950–1970-х годах: генезис новой области
социологического знания**

Аннотация

В статье осуществлен ретроспективный обзор метатеоретических исследований 1950–1970-х годов. В сравнительном контексте проанализированы метатеоретические публикации П. Ферфи, Л. Гросса, Т. Парсонса, М. Оверингтона и Дж. Тернера. Прослежены истоки их метатеоретических идей, восходящие к философии, биологии, психологии и экономике. Отмечены тенденции углубления предметного поля метатеоретизирования. Выявлены признаки обособления его критической и позитивистской перспектив. Описывается методический инструментарий, используемый метатеоретиками того времени.

Ключевые слова: *теоретизирование, метатеоретизирование, метасоциология, диалектика, научное знание*

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО,

доктор соціологічних наук, професор, головний науковий співробітник відділу історії та теорії соціології Інституту соціології НАН України, Київ

© В. Пилипенко, 2018

Метатеоретичні пошуки соціологів у 1950–1970-х роках: генеза нової царини соціологічного знання

Анотація

У статті здійснено ретроспективний огляд метатеоретичних досліджень 1950–1970-х років. У порівняльному контексті проаналізовано метатеоретичні публікації П. Ферфі, Л. Гросса, Т. Парсонса, М. Оверінгтона та Дж. Тернера. Простежено витоки їхніх метатеоретичних ідей, що сягали філософії, біології, психології та економіки. Зауважено тенденції поглиблення предметного поля метатеоретизування. Виявлено ознаки виокремлення його критичної та позитивістської перспектив. Описано методичні знаряддя, використовувані тогочасними метатеоретиками.

Ключові слова: теоретизування, метатеоретизування, метасоціологія, діалектика, наукове знання

VALERII PYLYPENKO,

Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Principal Research Fellow of the Department of History and Theory of Sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv

Metatheoretical Inquiry in Sociology During the 1950s–1970s: The Genesis of New Realm of Sociological Knowledge

Abstract

The paper gives a retrospective overview of metatheoretical inquiry undertaken by Western sociologists from the early 1950s to the late 1970s. Metatheoretical works published by P. Furfey, L. Gross, T. Parsons, M. Overington and J. Turner have been analysed in a comparative context. The author has explored the origins of their metatheoretical ideas, which go back to philosophy, biology, psychology and economics. Furthermore, attention is drawn to the following points: nowadays, there is a

growing tendency towards in-depth studies on the subject domain of sociological metatheory; critical and positivist perspectives on metatheorising are being set apart from other approaches. Research tools used by metasociologists in those days have also been described.

Keywords: *theorising, metatheorising, metasociology, dialectic, scientific knowledge*

Вступление

В последнее время наблюдаются признаки определенного возрождения интереса к проблематике социологического метатеоретизирования. Предпринимаются попытки реинтерпретировать указанное метатеоретизирование как философию социальных наук [Девятко, 2017], выявить и охарактеризовать его стратегии [Дудина, 2017], идентифицировать его тренд в рамках современной социологии [Иванов, 2017], очертить основные социальные преграды и сопутствующие сложности [Яковенко, 2017]. Указанные попытки при нынешнем ощущаемом дефиците других такого рода попыток можно признать в целом удовлетворительными. Но общим недочетом их авторов является отсутствие внимания к некоторым решениям подобных задач в прошлом. Ведь еще во времена генезиса социологического метатеоретизирования исследователи пытались акцентировать его философские аспекты [Furfey, 1953, 1965; Gross, 1961; Parsons, 1961, 1979/80] и особенности стратегий [Turner, 1979]. Отмечали тогда и проблематичный социальный контекст проведения такого метатеоретизирования [Overington, 1979]. Наконец, и идентификация современного тренда социологического метатеоретизирования должна была бы опереться на тогдашний опыт [Turner, 1979]. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что период генезиса социологического метатеоретизирования довольно фрагментарно освещен в мировом дискурсе истории социологии в целом. И это отнюдь не способствует нашим усилиям постичь современное состояние и перспективы метатеоретизирования в социологии, поскольку не позволяет сравнивать их с предшествующими его состояниями и перспективами. Вот почему обстоятельство непроясненности всех отмеченных аспектов побуждает к их ретроспективному обзору. Этот обзор будет сделан на основе выборочной реактуализации содержания ряда отдельных метатеоретических публикаций 1960–1970-х годов, представляющих весьма поучительными и важными в наших условиях.

Философские истоки социологического метатеоретизирования

Введение предметной сферы метасоциологических исследований связано с трактатом П. Ферфи, в котором обосновывалась их целесообразность (см.: [Furfey, 1953; 1965]). В нем впервые использовался термин “метасоциология”. Этим термином обозначается специальная вспомогательная наука, которая: 1) “призвана освещать и применять принципы конструирования и критичности валидной социологии”; 2) ее функцией является “определение для социологии критериев научного качества и критериев соответствия (relevance) для их практического применения”; 3) “предоставляет методологические пресуппозиции (presuppositions), необходимые для проведения

социологических исследований, развития социологических систем, а также критики таких исследований и таких систем после их завершения” [Furfey, 1965: p. 8]. Под критериями научного качества здесь понимаются критерии отличия научных знаний от ненаучных знаний в предметных областях, в которых работает социология. Критерии же соответствия (relevance) трактуются как критерии определения предметного поля — выделения сути того, что касается социологии, — из того, что таковым не является. Разработка и внедрение процедурных правил применения этих критериев в социологических исследованиях также отнесены к прерогативам метасоциологии. Таким образом, речь идет о двух взаимосвязанных, но разных науках: “...метасоциология — это наука, отличная от социологии... Предметом социологии является нечто, существующее в реальном мире людей и событий, тогда как предмет метасоциологии — сама социология” [Furfey, 1965: p. 9]. Так, главы цитируемой выше метасоциологической работы посвящены вопросам природы и развития метасоциологии, природы научных знаний в целом, метасоциологических ценностных суждений, определений, социальной логики, логической структуры науки в целом и социологии в частности, индукции и статистического анализа, наблюдения как методики исследования, прикладных исследований индивидов и сообществ, культурного подхода и экспериментального метода в социологии, применения тестов и анкет, использованию письменных источников и др. В эпистемологическом измерении метасоциология опосредствует связи социологии с ее общенаучным философским фундаментом — логикой и аксиологией (рис. 1).

Рис. 1. Метасоциология в структуре связей между социологией, логикой и аксиологией [Furfey, 1965: p. 18]

В общем начальный философский эклектизм метасоциологии середины XX века предшествовал дифференциации предметных сфер более поздних метаисследований социологии (метаметода, метаанализа данных и метатеории [Пилипенко, 2017: с. 61–63]). Выделение позже социологического метатеоретизирования тоже происходило на философской почве. В частности, рабочие рамки социологии связывали с применением методов диалектического суждения [Gross, 1961]. Эти рамки обозначались как

“неодialeктические”¹ с одновременной оговоркой, что они могут быть названы также “перспективной оценкой” или “контекстной оценкой”. Речь шла о сосредоточении внимания на коллизиях подходов или контекстуальных противоречиях в теоретизировании:

“Центральный посыл (premise) неодialeктики означает, что все слова как противоположные (антонимы) либо как похожие на эквивалентные термины (синонимы) имеют смысл или направленность (sense or direction), которые необходимо указать, прежде чем их свойства и отношения можно будет понять. Смысл или направление свойств и отношений задает их контекст: специфические элементы, качества, случаи (occurrences), события (events), инциденты, предметы, единицы, измерения, факторы, компоненты, эпизоды, категории, условия или обстоятельства. Из-за неспособности человека постоянно изолировать какую-либо часть или аспект опыта необходимо учитывать особенности, в результате которых о них известно. Это то, что подразумевается под контекстом. Каждая вещь сама является составляющей контекстов, и каждый контекст требует, со временем, оценки его контекста и т.п. в бесконечной регрессии, конец которой способны положить лишь постоянные ограничения, в которых работает человек” [Gross, 1961: p. 128].

На разных этапах исследования определенные идеи и вещи могут образовывать сердцевину или контекст его предметной сферы, то есть выступать в качестве важного элемента (сущности) или условного элемента (обстоятельства). Такого рода изменчивость аналитического контекста проявляется в эффектах смещения перспектив основных употребляемых терминов. Гросс приводит пример комплексного термина “противоположный” (“opposite”), который описывает или предполагает, что “вещи” (things) находятся друг против друга. Такими оппозиционными “вещами” могут быть почти все категории мысли — термины, утверждения, характеристики, идеи, тенденции, результаты, действия, движения, силы, качества, величины, мотивы, намерения, суждения, интересы, ценности, пространственные референты, временные последовательности и т.п. Концептуальные контексты оппозиций различаются, поскольку оппозиционные “вещи” бывают антагонистическими, конфликтными, противоречивыми, контрарными, контрастными, экстремально расходящимися, диаметрально разными, антитетическими, полярными, образно обратными (figuratively inverse), взаимоисключающими, комплементарными, реверсивными (reverse), конверсивными (converse), могут находиться в столкновении или противодействии, быть антиподами и т.д. Так выглядят ряды неопределенных и взаимопереплетающихся смыслов, которые приходится выяснять ради прояснения содержания утверждений.

Множество таких взаимосвязанных контрастных и дихотомических понятий Гросс усматривает в текстах видных теоретиков социологии. Среди них: сообщество и общество [Тьонис, 2005]; идеология и утопия [Мангайм, 2008]; явные и латентные (дис)функции в функциональном анализе, типология альтернативных реакций на социальную структуру в сочетаниях при-

¹ Среди тогдашних источников социальной диалектической мысли Л. Гросс отмечает работу Поппера, посвященную идее “открытого общества” и его антиподов [Поппер, 1994a, b].

нения / отклонения социально одобряемых целей и средств их достижения [Мертон, 2006: с. 146, 255] и др. В частности, в Мангеймовой антиномии идеологии и утопии речь, по сути, идет о двух идеях, выходящих своим содержанием за рамки существующего социального порядка. Поскольку идеология ориентирована на некоторые прошлые ситуации, а утопия — на предполагаемый будущий общественный порядок, и та, и другая плохо приспособлены к настоящему — текущей социальной реальности. Поэтому самый лучший выход здесь состоит в как можно более широком синтезе различных видений определенных моментов истории, настоящего и будущего — более всеобъемлющем по смыслу, чем каждое из них само по себе. Для Мангейма наилучшей перспективой была та позиция, которая обнаруживала наибольшую всесторонность и плодотворность в решении эмпирических проблем и позволяла в совершенстве приспособить действие к цели, которой стремятся достичь.

Подобно решению этой Мангеймовой идеологически-утопической коллизии объясняются и особенности недиалектического анализа в социологическом метатеоретизировании: “Если плодотворная социальная наука включает как случай концептуальных противоположностей (*opposites*), так и случай переходных континуумов, то язык социологии должен быть многократно рассмотрен, учитывая его взаимодополнительные, координационные, взаимозависимые, посреднические и объединительные элементы или взаимодействия; подобно языку разнообразия, контрастности, многополярности и другим дизъюнктивным аспектам” [Gross, 1961: p. 132]. Например, социальные процессы изоляции, взаимодействия, дифференциации, господства, адаптации, конкуренции, индивидуализации и прочие могут быть глубже специфицированы как типы диалектических отношений для их смысловых контекстов, предельных условий и переходных качеств. Процедура недиалектического анализа охватывает минимальный перечень вопросов, которыми нужно задаваться в отношении любой социологической теории:

“(1) Какие *противоположности* (*opposites*) предполагаются социологическим термином, пропозицией или схемой? (2) Каковы переходные или промежуточные сферы (*transitional or intermediate regions*), через которые противоположности (*opposites*) сочетаются друг с другом? (3) Каковы контексты *отпозиции* и *а-позиции* (*opposition and apposition*), выявляющиеся на разных уровнях логического и эмпирического анализа? (4) Каковы методологические и сущностные принципы, на основе которых противоположности (*opposites*) могут интегрироваться, синтезироваться или сочетаться? (5) Какие противоположности (*opposites*) имеют приоритет, будучи рассматриваемыми как посылки (*premises*) или предпосылки (*antecedents*) анализа? Иными словами, каковы условия, при которых разные индивиды, группы и общества отдадут предпочтение неким совокупностям противоположностей в отличие от других?” [Gross, 1961: p. 134].

Недиалектика предполагала отказ от упований на бесспорную адекватность любой концептуальной схемы в анализе сложного опыта осмысления социального мира со свойственными ему бесконечными противоречиями и непрерывными изменениями. С точки зрения недиалектики каждая интерпретация социальной реальности может и должна быть подвергнута

сомнению одной или несколькими другими интерпретациями¹. Ни одно утверждение не принимается как окончательно бесспорное. И даже тогда, когда оно явно оперирует само собой разумеющимися фактами, обязательно выстраиваются их альтернативные объяснения. Любые теоретические идеи не принимаются на веру безоговорочно, вместо этого систематически выстраиваются противоречия и противоположности в каждом пункте их изложения. После конкретизации альтернативных и противоречивых виде-ний осуществляются поиск их “общего знаменателя” и интеграция в ходе синтеза.

Оппонировать предложенным метатеоретическим рамкам социологии на основе недиалектики решил сам Т.Парсонс. Он категорически расценивает недиалектическое метатеоретизирование не только как непродуктивное, но даже вредное для развития социологической науки, учитывая бесплодное поглощение им непропорционально большой доли времени и творческой энергии исследователей [Parsons, 1961: p. 139]. Вместе с тем приобщение к этой дискуссии стало поводом для изложения Парсонсом собственной версии социологической метатеории.

Парсонсова версия социологической метатеории

Парсонсовой интерпретации метатеории социологии предшествует его понимание природы социологической теории. По его мнению, научная теория является логически интегрированной совокупностью пропозиций о соотношении переменных. То есть теория рассматривается как абстрактное концептуальное построение, которое систематически связывает между собой ряд утверждений о фактах для решения эмпирических задач. Главными критериями хорошей теории Парсонс считал ее эмпирическую актуальность, концептуальную внятность и точность, логическую интегрированность и т.п. В последнем случае речь идет не только о логической совместности разных пропозиций в рамках теоретической схемы, но и об их взаимном усилении, когда вывод из одной части этой схемы логически сочетается с другими частями этой схемы. Чтобы соответствовать указанным качественным характеристикам, теория должна быть не только достаточно согласованной с эмпирическими фактами, но и опираться на определенные философские основания:

“Теория, разумеется, всегда существует в еще более обобщенной матрице предположений о природе систем эмпирической реальности, для которой теория является релевантной. Эта матрица, или “референционная рамка” (“frame of reference”), так сказать, указывает, по крайней мере отчасти, на то, что Гросс называет сферой метатеории. Примером здесь служит система

¹ Гросс считает, что никакой ученый не способен быть единственным арбитром своих собственных ошибок, поэтому в науке необходимо полагаться на суждения других. В этом контексте примечательно следующее наблюдение: “Часто статьи в социологии пишутся как вердикт юристов; но, похоже, у нас очень много прокуроров и недостаточно судей” [Gross, 1961: p. 135]. Поскольку в процессе суда судья взвешивает обоснованность обвинительного тезиса прокурора и защитного антитезиса адвоката и вырабатывает собственный синтез судебного вердикта, то в недиалектике усматривается возможность желаемого перевоплощения социолога в подобие такого непредвзятого судьи.

отсчета классической механики, включающая основные понятия частиц, массы, евклидова пространства и положения в нем, движения как изменения местоположения с течением времени и т.д.” [Parsons, 1961: p. 137].

Метатеория здесь трактуется как обобщенная исходная схема интерпретации исследуемых феноменов. Эта схема возникает в результате априорного определения ряда ключевых логически связанных аналитических категорий и их дальнейшего использования для продуцирования ряда взаимосвязанных обобщенных пропозиций. Последние, в свою очередь, служат основаниями и истоками более конкретных теоретических утверждений. Подобная формализация рассматривалась Парсонсом как своеобразная предпосылка дальнейшего теоретизирования и конкретных эмпирических исследований.

Такое трактование метатеории, по собственному признанию его автора, сложилось под идейным влиянием на него работы А.Н.Уайтхеда “Наука в современном мире” [Parsons, 1979/80: p.16; Парсонс, 2002: с. 59]. В этой работе Уайтхеда получила концептуальное выражение Ньютонова метатеоретическая схема механики, которую образуют трехмерное прямолинейное пространство, понятия скорости и движения. В эту наиболее абстрактную концептуализацию не входят теоретические утверждения типа “если..., то...”, устанавливающие определенное отношение между разными переменными. Метатеоретическая схема, напротив, выстраивается и применяется на абсолютно ином уровне абстракции, в силу чего не подлежит доказательству или опровержению путем простых процедур эмпирической верификации или ее противоположности — фальсификации.

Отсюда в отношении социологии Парсонс тоже подчеркивает крайнюю необходимость аналитического различения и недопустимость смешения уровней теоретизирования и метатеоретизирования. В противном случае он не исключает безосновательного перенесения ожиданий и критических замечаний, релевантных исключительно на одном из этих уровней, на другой. Учитывая это, исследователи обязаны однозначно определить уровень — теоретический или метатеоретический, — на котором они проводят свой анализ. Исследователям не следует пользоваться одним и тем же термином без предварительного тщательного определения сферы его употребления — теоретизирования и/или метатеоретизирования, а также без предупреждения о переходе с одного уровня анализа на другой.

Парсонс также усматривал идейные истоки собственных метатеоретических взглядов в интеллектуальном влиянии немецкой социологии и философии, которое он испытал во время своего обучения в Гейдельбергском университете. Здесь сказались, в частности, участие в посвященном Макс Веберу семинаре под руководством К.Мангейма и в семинаре по Кантовой “Критике чистого разума” под руководством К.Ясперса, а также обучение и сдача экзаменов у него, увлечение феноменологией Э.Гуссерля и М.Хайдеггера. Собственно это академическое окружение и сделало возможным сугубо Парсонсово постижение и толкование теоретических работ М.Вебера.

Прежде всего это касалось трактовки социологии как научной дисциплины, которая должна: 1) пытаться понять (*verstehen*) действия и субъективные мотивы индивидов в их взаимоотношениях; 2) развивать каузальное объяснение хода, направлений и последствий действия [Вебер, 2012: с. 23–37]. Вебер настаивал на объединении этих двух методологических подходов в социологии: “...что социология категорически отрицает — это

утверждение, будто “понимание” и каузальное “объяснение” не имеют никакого отношения друг к другу, — хотя, конечно, совершенно верно, что исследование в этих двух случаях начинается на противоположных полюсах реальности; в частности, статистическая повторяемость поведения отнюдь не делает “более понятным” его смысл, а оптимальная степень “понятности” никак не влияет на повторяемость... Конечно, сугубо “смысловые” интерпретации конкретного поведения даже при наибольшей их очевидности и для социологии являются всего лишь гипотезами каузального заключения. Они требуют тщательнейшей верификации, которая осуществляется теми же путями, что и верификация любой другой гипотезы” [Вебер, 1998: с. 114–115]. То есть “понимание” и каузальное “объяснение” — в равной мере важны, незаменимы и требуют обязательного комбинирования в исследованиях общества. Несмотря на это, Парсонс оказался свидетелем выделения и противопоставления указанных двух методологических подходов на семинаре К.Мангейма. Подобное методологическое размежевание он обнаружил и в тогдашней интеллектуальной среде социальных и поведенческих наук в целом. Парсонсово описание здесь отличается ироничной метафоричностью: феноменологию он определил как “мятеж” против методологического объективизма и привилегированного положения естественных наук, а бихевиоризм — как “покушение” на методологический субъективизм наук о духе, сознании и культуре; А.Шюц удостоился звания “пропагандиста” социальной феноменологии, а Б.Скиннер, который “уравновесил” появление Шюца, — звания “апостола” социального бихевиоризма.

Как признается Парсонс, сам он заимствовал методологические предпочтения М.Вебера в их целостном двойном виде под влиянием К.Ясперса. Поскольку последний, как и Вебер, был кантианцем [Ясперс, 2009: с. 425–445], он пытался обосновать Веберово балансирование между методологическим субъективизмом и объективизмом на основаниях философии И.Канта. В частности, среди этих оснований Парсонс отмечает трактовку Кантом “трансцендентального единства апперцепции”. Она содержит осмысление на философском уровне отношения между субъективными и объективными аспектами познания: “*Трансцендентальное единство* апперцепции является тем единством, через которое все данное в созерцании Разнообразное объединяется в понятие объекта. Поэтому оно называется *объективным*, и его следует отличать от *субъективного единства* сознания, являющегося определением *внутреннего ощущения*, через которое то Разнообразное созерцание эмпирически дается для такого объединения” [Кант, 2000: с. 109]. Речь идет о существовании трансцендентальной составляющей эмпирического познания, которая не сводится исключительно к восприятию сигналов, поступающих из эмпирического мира (inputs). Эта трансцендентальная составляющая эмпирического познания считается основой синтеза познающего и познаваемого, а также деятеля и ситуативного мира, в котором совершается действие.

Кантовы философские основания Ясперсова обоснования Веберовой попытки объединить в социологии субъективную и объективную методологические составляющие были одной из предпосылок Парсонсовой идентификации и продолжения теоретической “линии” Канта — Вебера — Ясперса: “Опираясь на традиции французской социальной мысли (особенно в форме, приданной им Дюркгеймом), можно, пожалуй, утверждать, что линия мышления Канта — Вебера — Ясперса предполагает не просто некую “нейтраль-

ную идейную полосу” между субъективистами феноменологического вероисповедания и объективистами бихевиористского толка, но и (при надлежащей интерпретации) существование обширной, по-настоящему объединяющей их теоретической платформы. По крайней мере, в этом направлении я строил и пытался развивать собственную метатеоретическую позицию” [Parsons, 1979/80: p. 9] (см. также: [Парсонс, 2002: с. 49]). Исходными принципами этой метатеоретической позиции были утверждения, что: 1) любое социальное знание с претензиями на научную достоверность должно предполагать реальность и познаваемых объектов, и познающего субъекта; 2) успешное познание возможно в пределах сообщества познающих субъектов, которые общаются и обмениваются информацией друг с другом, благодаря чему избегают ловушек солипсизма; 3) познаваемые объекты нужно рассматривать как субъекты действия и толковать, исходя из предполагаемого смыслового содержания их действий, которое необходимо постичь исследователю.

Парсонс выделил основные составляющие собственной версии социологической метатеории¹. Прежде всего это — социологическая “первичная референтная рамка” в виде синтетической концептуальной схемы “структуры социального действия”, обоснованная в одноименной работе 1937 года. Эта понятийная схема подытоживала поиски Парсонсом концептуального консенсуса между интерпретациями социальных действий в теоретическом наследии М.Вебера, Э.Дюркгейма, В.Парето и А.Маршалла. В целом ее содержание сводилось к тому, что к действию прибегает мотивированный и целенаправленный деятель, который находится в ситуации с определенными ситуативными, нормативными, ценностными, процедурными, ресурсными и целевыми условиями и факторами его действенности. Позже эта понятийная схема получила развитие, будучи дополнена понятиями социального взаимодействия, системы, индивида, организма, культуры и др.

“Метатеоретическим каркасом” Парсонс считает собственную схему принципиальных переменных касательно ориентации действий личностей, ценностных образцов культур и нормативно-статусных требований социальных систем [Parsons, 1979/80: p. 10–11; Парсонс, 2002: с. 51–52]. Эта схема имеет вид пяти дихотомических пар аналитических категорий: аффективность / аффективная нейтральность; диффузность / специфичность; партикуляризм / универсализм; аскрипция (предписывание) / достижение; ориентация на себя / ориентация на коллектив. В отличие от Веберовой типологии действий, которая выделяла 4 типа, Парсонсова схема путем комбинирования различных выборов в пределах дихотомий позволяет концептуальное выделение 32 типов действий, ценностных образцов и нормативно-статусных требований [Йоас, Кнебель, 2013: с. 109]. На основе такой типологии возможны достаточно исчерпывающие описания, сравнительный анализ и развитие теорий разных форм социального чуть ли не во всей их сложности. При этом аналитические модели личности, культуры и социального порядка получают концептуальное соотнесение.

¹ В социологическом дискурсе нет недостатка в основательных анализах этих составляющих Парсонсова наследия (например: [Тернер, 1985: с. 58–100; Ритцер, 2002: с. 118–128; Батыгин, 2003; Резнік, 2010: с. 28–71; Йоас, Кнебель, 2013: с. 37–140 и др.]. Поэтому я ограничусь очень кратким и беглым его описанием.

Самой важной и единственной в своем роде метатеоретической сутью в Парсонсовом теоретизировании и у его сотрудников определена 4-функциональная схема AGIL [Parsons, 1979/80: p. 11; Парсонс, 2002: с. 52]. Эта схема является типологией основных функций социальной системы, выполнение которых делает возможным ее существование: адаптации (adaptation) — приспособления к окружающей среде; целедостижения (goal attainment) — способности ставить и достигать определенные цели; интеграции (integration) — обеспечения сплоченности своих составляющих; поддержания латентного паттерна (latent pattern maintenance) — сохранения и воспроизводства устойчивой латентной структуры. Такая 4-функциональная схема стала орудием концептуальной формализации соотнесенных анализов систем человеческого организма, личности, общества и культуры, структурных составляющих и подсистем этих систем, аспектов процесса их социального развития и т.п. Дальнейшее ее применение связывалось с перспективой метатеоретического обоснования понятий времени и свободы в развитии теории живых систем (позже этот замысел пытался реализовать Н.Луман).

В общем Парсонс откровенно указывал, что идейные и мировоззренческие истоки его собственных метатеоретических и теоретических разработок часто находятся за пределами социологии — в недрах философии, биологии, психологии, социальной психологии, экономики, теории информации и кибернетики. Этим он старался утвердить и подчеркнуть научный статус социологии, ее принадлежность к привилегированной системе научного знания. Но в то же время были социологи, которые пытались действовать в противоположном направлении.

“Метатеоретический скандал” в американской социологии

Примечательным событием в социологическом метатеоретизировании конца 1970-х годов был так называемый метатеоретический скандал, который артикулировала публикация М.Оверингтона, вызвавшая небывалое возмущение среди социологов. Автор заметил в ряде философских, исторических и социологических исследований науки оспаривание специального, демаркированного и привилегированного положения научного социологического знания на фоне ненаучного знания [Overington, 1979]. Некоторые исследователи подвергали сомнению устоявшиеся аподиктические¹ принципы, оправдывающие размежевание научных и других знаний, представления о контекстно-независимом характере научного знания и отличия между наукой и идеологией. Такие принципы раньше имели для социологии бесспорный метатеоретический характер. Они априорно и извне — независимо от ее собственных исследовательских практик — обосновывали привилегированный статус социологического знания как части научного знания в целом.

Важной составляющей философского обоснования привилегированного статуса научных знаний было постулирование различия между научными утверждениями и другими видами утверждений. Это различие объясня-

¹ Аподиктический (от греч. *αποδεικτικός* — тот, кто доказывает) — безусловный, достоверный, базирующийся на логической необходимости; категоричный в своих утверждениях.

ется тем, что научные утверждения на фоне всех иных утверждений являются в наибольшей мере обоснованными. К попыткам такого подчеркивания и оправдания демаркации научного знания прибегали философы науки. Их “следами” в социологии Оверингтон считал употребление понятий “верификации”, “фальсификации” и “тестирования” при обсуждении эмпирической “адекватности” социологических утверждений. Но метатеоретическое значение этих понятий он связывал с попытками сформулировать принцип логичного размежевания научных и ненаучных утверждений, в котором эти понятия выступали в качестве критериев.

В частности, логические позитивисты предлагали принцип верификации значения (meaning) как аподиктический стандарт демаркации при различении когнитивно значимых, с одной стороны, и бессмысленных утверждений — с другой, на основе их верифицируемости посредством эмпирического наблюдения. Эмпирическая верифицируемость как признак научности должна была отмежевывать научные утверждения от ненаучных, а науку — от прочих форм знания. Но строгость принципа верификации была оспорена критиками, подчеркивавшими, что он: 1) сам не является верифицируемым и, следовательно, не имеет смысла; 2) исключает все научные законы, являющиеся общими утверждениями и не подлежащие окончательной проверке путем отдельных наблюдений. По оценкам Оверингтона, не были удачными и последующие переформулировки принципа верификации в версиях конечной фальсификации (conclusive falsifiability), слабой верифицируемости или подтверждаемости (weak verifiability or confirmability), тестируемости и переводимости (testability and translatability). Наконец, логические позитивисты наделили силой “тестирования” в качестве стандарта демаркации научности знания само научное сообщество: в его пределах содержательность (the meaningfulness) научного утверждения устанавливается определенным консенсусом среди ученых в отношении того, тестировалось ли оно либо протестировано ли оно удовлетворительно.

Подобные тенденции Оверингтон заметил в эволюции попыток демаркации научного знания, к которым прибегали критические рационалисты. В частности, К.Поппер обосновывал методологический принцип фальсификации научных утверждений для отделения науки от псевдонауки. Согласно этому принципу, научными считаются сугубо опровергаемые утверждения, и поэтому ученые должны согласовать критерии опровержения своих утверждений. Следовательно, научное исследование отличается тем, что содержит утверждение с согласованными критериями условий опровержения его выводов. Позже критические рационалисты признали, что даже самая лучшая научная практика не отвечает простым версиям принципа фальсификации, поскольку ученые противодействуют явным и выразительным ее формам. Несмотря на это, наука продолжала считаться рациональным делом (enterprise), а рациональность — традицией взаимной критики, что сделало возможным поиск и устранение ошибок в научном знании. Наконец, П.Фейерабенд пришел к выводу о разнообразии социологической практики как стандарте рациональности и принципе социологической демаркации для той же практики.

В итоге Оверингтон констатировал эрозию отмеченных принципов демаркации научного знания вследствие логической и метатеоретической неадекватности действительным практикам науки и разнообразию претензий

знания на научность. Эти принципы уже не обеспечивали философскую легитимацию привилегированного статуса научных знаний среди других областей знания. В конечном счете “без внешних стандартов, без метатеоретического авторитета, независимого от нашей практики, единственной основой для приписывания привилегированного статуса социологическим знаниям является фидуциарное¹ дело социологических сообществ” [Overington, 1979: p. 5]. То есть научные знания оказались самореферентными² и открытыми для всех злоупотреблений властью и влиянием. Но и в этих обстоятельствах заключался лишь первый аспект “метатеоретического скандала”.

Вторым его аспектом Оверингтон назвал концептуальную реконструкцию науки, которую осуществил Т.Кун. Эта реконструкция сделала более выразительным исторический, социально-контекстуальный и коммунитарный характер научного знания, что само по себе повышает его статусную привилегированность. Кун считал непосредственным контекстом для практики науки научные специализации сообществ исследователей. В средах этих сообществ происходят процессы социализации ученых, когда те получают соответствующее образование, изучают специализированную литературу и проходят профессиональные инициации. В итоге исследователи заимствуют групповые обязательства своего научного сообщества и воспроизводят общепринятые в нем символические обобщения, модели реальности, стандарты прогнозирования, суждения об адекватности и общих моделях решения проблем. В совокупности эти обязательства определяются как научная парадигма [Кун, 2001: с. 23–35]. Сердцевиной парадигм считаются прежде всего модельные или образцовые решения проблем, базирующиеся на практике успешных исследований по определенной специализации. Такие модели или образцы предоставляют исследователям не только практические аналогии ранее успешных поисков решения актуальных проблем, но и основания и критерии идентификации этих проблем. Это обуславливает устойчивость, ограничения и рутинизацию предметного поля научных поисков. В итоге текущим состоянием нормальной науки считается ориентация ученых не на инновационные сдвиги в знаниях, а на повышение аккуратности (accuracy), точности (precision) и применимости знаний. Ведь исследователи скорее обратятся не к рискованным (в плане успешности) поискам революционных новаций, а к гарантированно успешному, но более скромному углублению и осторожному предметному расширению знания. Впрочем, как случайно, так и целенаправленно осуществлённые революционные научные открытия приводят к кризисам устоявшихся парадигм, дают начало новым парадигмам и научным специализациям. Но и новые парадигмальные сообщества в науке, подобно тем, что существовали до них, действуют обычно как “производители и контролеры (producers and validators) научных знаний”. Такой способ действия в очередной раз доказывает явный контекстно ориентированный характер научных специализаций.

1 “Фидуциарный” (от лат. fiducia — доверие) — тот, кто осуществляет надзор, надзирающий.

2 Референтный (от лат. referens — сообщает) — тот (субъект), на чьи оценки ориентируются при собственном восприятии событий и явлений, а также самого себя; самореферентный — тот (субъект), чье мнение выступает для него самого значимым при планировании, реализации и восприятии собственных действий.

Не менее явно аналогичное социально-контекстное трактование проявляется, когда Кун интерпретирует кризисы научных парадигм как состязание между парадигмальными сообществами, которые “говорят на разных (концептуальных. — В.П.) языках и видят разные (предметные. — В.П.) миры, непрозрачные для членов конкурирующей группы” [Overington, 1979: p. 6]. Отмеченная концептуальная и предметная дизъюнкция между парадигмальными сообществами объясняется тем, что они имеют дело с альтернативными исследуемыми реалиями. Эти реалии продуцируются, подтверждаются и воспроизводятся разнящимися социальными и интеллектуальными контекстами научных сообществ. Иными словами: “...Куново понимание науки репрезентирует научное знание как проверенный (validated) продукт научных сообществ. Главной особенностью этих сообществ как социальных групп является приверженность мировоззрению, которое они создали и приняли и изменяют лишь после значительной борьбы с компромиссными взглядами, которые порой возникают в ответ на ограничения и аномалии в их практике” [Overington, 1979: p. 7]. Кун откровенно и недвусмысленно раскрывает коммуниитарный контекст научных знаний и обосновывает рациональность науки рациональностью ученых. Оверингтон воспроизводит эту трактовку науки Куном в собственной коммуниитарной интерпретации социологии, когда утверждает, что “социологическое знание также разрешено сообществами, в которых оно продуцируется”. Здесь может идти речь о санкционной деятельности ученых советов научных и образовательных учреждений, ученых советов по защите диссертаций, редакций научных периодических и монографических изданий, оргкомитетов различных научных форумов и т.п. Таким образом, концептуализация Куна делает более четкой социальную контекстуальность стандартов демаркации и самореферентность вывода (account) социологического знания, его открытость всем влияниям и злоупотреблениям властью.

Третий аспект социологического “метатеоретического скандала” Оверингтон увидел в размывании предметных границ между социологией науки и социологией знания, поскольку такие границы тоже делали более явной привилегированность собственно научного знания. Довольно долго эти две субсоциологии “держались на расстоянии, равно как семья и слуги в аристократическом доме” — “находились “вверху” и “внизу” исследований человеческой культуры” [Overington, 1979: p. 7]. Социология науки сосредоточивалась вокруг episteme (знание), а социология знания — на том, что греки называли doxa (коллективное мнение). Однако развитие исследований науки с течением времени привело к рассмотрению предположений о том, что все знания — и научные, и ненаучные — являются коллективным мнением. Поэтому наука как социальный проект (enterprise) и ее привилегии из ресурсных условий социологических исследований превратились в их предмет: “...санитарная граница вокруг научных знаний была решительно нарушена, и характер их привилегий был воспроизведен как тема социологического исследования, предсказанная социологией знания. С этой точки зрения идеология и наука не различаются. Более того, в этом социологическом исследовании научных знаний мы используем, вынужденно (perforce), идеологические категории, придуманные в наших сообществах для изучения идеологий других сообществ, без претензий на метатеоретическую лицензию (license) на наше вмешательство!” [Overington, 1979: p. 9]. По сути, констатировалась потеря неоспоримой статусной исключительности и привилегированности научного

социологического знания, отличающих это знание от идеологических убеждений и прочих форм социального знания.

В конечном счете Оверингтон пришел к выводу, что авторитет социологического знания не может зависеть только от какого-либо внешнего метатеоретического обоснования типа оценивающих философских стандартов. Социологическое знание должно опираться только на собственную практику и рациональные стандарты, потому что “метатеория социологии зависит от социологической практики, а не наоборот...” [Overington, 1979: p. 9]. С эмансипацией социологии от внешних метатеоретических стандартов формирования и верификации научных знаний связываются перспективы распространения аналитической толерантности к разным социологическим сообществам и принятию их версий практической рациональности. То есть речь идет об уменьшении взаимоисключающей непримиримости и бескомпромиссности в состязаниях различных парадигмальных социологических сообществ, что должно сделать возможными поиски хотя бы частичного совмещения их парадигм.

Описанный выше “метатеоретический скандал” получил резонанс в социологических кругах США. В одном из номеров “American Sociologist” наряду со статьей Оверингтона [Overington, 1979], артикулирующей его видение, были опубликованы девять материалов (откликов и комментариев) по ее поводу. Реакции рецензентов и комментаторов варьировали от поддержки до развенчивания. Одобрялись призывы к прекращению противопоставлений в социологии позитивизма (ударения на фактах и выяснении причинности) и интерпретативизма (ударения на значениях и толкованиях), жестких и мягких методов, ценностной нейтральности и ангажированности [Brown, 1979: p. 17]. Отрицалась целесообразность философско-идеологических дискуссий касательно науки и аргументировалась желательность минимизации социологического метатеоретизирования [Cole, 1979: p. 19]. Критиковались Оверингтоновы трактовки науки как коллективного мнения на почве консенсуса научных сообществ в определенном социальном контексте, а также его отрицание отличий между природой научного и идеологического знания [Gierun, 1979: p. 19]. Эта критика аргументировалась тем, что претензии на истинность знания у ученого более достоверны и авторитетны, чем у демагога или шамана, поскольку наука получила привилегированный общественный статус благодаря искоренению оспы, что веками не удавалось сделать знахарям-колдунам. Также выражалось разочарование по поводу того, что Оверингтон не интерпретировал воображаемую утрату привилегированного статуса социологии в рамках социологической метатеории [Humes, 1979: p. 25]. В целом громкость “метатеоретического скандала” и разброс мнений по его поводу продемонстрировали подлинный факт генезиса социологического метатеоретизирования, расширения его субдискурса и круга участников. Одним из проявлений этого было и ретроспективное метатеоретическое исследование Дж. Тернера.

Идентификация метатеоретических оснований социологии 1830–1970-х годов

Метатеоретической ретроспекции Тернера предшествовал его собственный исторический анализ основных перспектив в социологическом тео-

ретизировании — функционализма, конфликтологии, символического интеракционизма, социального обмена и этнометодологии [Тернер, 1985]. По итогам этого анализа была предпринята попытка поиска концептуального консенсуса между указанными теоретическими перспективами при переформулировании проблемы социального порядка на основе понятия (де)институционализации. Метатеоретическим итогом этих исследований можно считать общую классификацию социальных феноменов, которая выделила: 1) человеческие индивиды; 2) социальные отношения между индивидами; 3) образцы коллективной организации между индивидами; 4) социальные отношения между разными типами единиц коллективной организации индивидов; 5) образцы организации между разными типами коллективных единиц [Тернер, 1985: с. 386]. Позже фактологическая база этого исторического анализа стала объектом в Тернеровой сравнительной реинтерпретации стратегий социологического теоретизирования 1830–1970-х годов [Turner]. Сравнение проводилось по ряду ключевых составляющих этих стратегий, среди которых:

1) абстрактные принципы (наследование со стороны социологических теоретизирований теорий естественных наук при развитии абстрактных теоретических утверждений о фундаментальных связях между социальными феноменами без учета причинности и с пренебрежением историческим контекстом их проявлений);

2) причинность (степень присутствия в социологическом теоретизировании раскрытия причин социальных феноменов и выявления в теоретических абстрактных утверждениях причинностных связей между ними);

3) типология и классификация (степень использования в социологическом теоретизировании абстрактных или конкретных типологий социальных феноменов и построения этих типологий при теоретических утверждениях);

4) структурные сходства (Affinities) (ориентация социологического теоретизирования на понимание (understanding) ковариации конкретных типов социальных структур или на понимание более абстрактных свойств социального взаимодействия и организации, общей для всех типов социальных структур);

5) метатеоретическое предположение (Supposition) (мера проистекания социологии из серии допустимых утверждений о “природе социальной реальности”, которые предшествуют разработке социологической теории, то есть возможности развития этой теории лишь после создания “крупной метафизической системы”);

6) индукция versus дедукция (необходимость предварительных детальных наблюдений за социальными событиями для дальнейшего инспирирования развития теории или предшествующего начального формулирования теории с последующим ее тестированием на эмпирических фактах).

Тернер отметил, что эти определенные им ключевые стратегические составляющие социологического теоретизирования не являются взаимоисключающими. Но концентрация теоретиков на одних из них в противовес другим может серьезно отразиться на теоретизировании. Каждое теоретизирование может быть описано в сравнительном контексте комбинацией самоопределений соответствующего теоретика в отношении возможных альтернатив в рамках составляющих его теоретической стратегии. Прерогати-

вой историка и аналитика теоретизирования является идентификация этих самоопределений по смыслу текстов теоретиков.

И хотя метатеоретическая составляющая выделена одной стратегической позицией, остальные составляющие теоретических стратегий тоже можно рассматривать как атрибуты метатеоретизирования. Ведь абстрактные принципы, причинность, типология и классификация, структурные сходства, индукция и дедукция относятся к такой составляющей метасоциологии, как логика социологии, зависящая от общей логики и логики науки (рис. 1). Если научное теоретизирование объясняет определенный фрагмент реального мира, то метатеоретизирование раскрывает средствами общей и научной логики структуру этого теоретизирования, делает более четкой систему его понятий и утверждений, оценивает меру их непротиворечивости и полноты, определяет способы их логического или эмпирического доказательства, делает возможной их формализацию и аксиоматизацию, преодоление парадоксов и противоречий. Впрочем, отмеченное сужение Тернером предметной области метатеоретизирования можно интерпретировать как более выразительную и глубокую ее спецификацию, а значит, расценивать как признак развития этой области социологического знания.

Применение Тернеровой классификации ключевых составляющих теоретических стратегий в сравнительной реинтерпретации теоретизирований в течение первых 100 лет существования социологии сделало более выразительными (мета)теоретические взгляды ее классиков (табл. 1).

Сравнение теоретических стратегий позволяет обобщить тенденции и итоги эволюции метатеоретического толкования значимости каждой стратегической составляющей социологического теоретизирования в течение наблюдаемого периода. В частности, начальная ориентация социологии на выявление универсальных и инвариантных абстрактных законов социальной организации и изменчивости типа законов естественных наук не стала бесспорной для всех теоретиков и пересматривалась большинством из них. Ревизия состояла в фактическом отрицании универсальности и инвариантности этих законов вследствие временного ограничения их действия отдельными историческими эпохами, в уменьшении заинтересованности в их артикуляции, а то и вообще в пренебрежении этой задачей.

Начальные предостережения или умеренность в раскрытии причин социальных феноменов и причинностных связей между ними сменились преобладающей убежденностью в необходимости анализа причинности в социальной жизни. Методы типологизации и поиска структурного сходства социальных феноменов, применение которых началось с возникновением социологии, в целом и в дальнейшем признавались полезными, но применимость этих методов рассматривалась по-разному. Начальное неявное сочетание методов индукции и дедукции в теоретизировании не нашло всеобщего распространения, и со временем в исследовательских практиках теоретиков стали доминировать попытки индуцирования теории из эмпирических наблюдений.

Метатеоретические предположения о “природе социальной реальности” дифференцировались за счет постоянного прироста альтернативных версий. Своими корнями эти версии уходили к таким источникам, как: 1) биология (системность и структурная функциональность изучаемых феноменов); 2) экономика (экономическая детерминация социальных феноменов, равно-

Таблица 1

Составляющие теоретических стратегий ведущих теоретиков социологии 1830–1930-х годов

Ведущие теоретики	Абстрактные законы	Причинность	Типологии	Структурные сходства	Метагеория	Индукция vs. дедукция
Огюст Конт (1798–1857)	Социология может следовать за физикой и искать инвариантные законы социального мира	Заинтересованность в причинности приведет к уклонению от поиска законов	Полезны при описании стадий социального развития	Полезны при демонстрации того, как структуры изменяются в ходе развития	Организмическая аналогия; системные свойства социального феномена	Теория должна базироваться на наблюдениях, и наоборот
Герберт Спенсер (1820–1903)	Социология должна искать законы социального мира, поскольку их можно дедуцировать из космической эволюции	Нужно рассматривать причинность, но следует искать законы	Полезны при описании стадий социального развития и улавливания цикличности динамики социальных систем	Полезны для создания базы данных с целью индукции и тестирования теорий. Ангажированы в повседневном стремлении описать социальные структуры разных типов	(1) организмическая аналогия; социальные феномены проявляют системные свойства; (2) имплицитный функционализм; целесообразно анализировать потребности социальной системы, удовлетворяемые конкретной структурой	Теория должна базироваться на наблюдениях, и наоборот
Карл Маркс (1818–1883)	Законы разных исторических эпох могут быть выявлены и использованы для анализа событий данной эпохи. Универсальные законы для всех времен и мест невозможно выявить	Нужно интересоваться, поскольку законы станут причинными утверждениями экономического детерминизма	Не так важны, как законами, описывающие динамику исторической эпохи	Будут отражены причинностные связи. Могут быть использованы для выявления законов каждой эпохи.	(1) диалектика: структуры содержат те же свойства, которые приводят к их трансформации; (2) изменение через конфликт (conflict change) является результатом конфликта между супер- и субординированными классами; (3) суб/супер-структура: экономические переменные определяют культурные и социальные паттерны	Законы исторической эпохи могут быть индустрированы из наблюдений производственных отношений и / или через практику
Макс Вебер (1864–1920)	Не касается	Нужно проследить причинностные связи между социальными феноменами	Типологии или идеальные типы являются сутью социологического описания	Цель социологии — показать, как эмпирические структуры коварируют (covary) и, если это возможно, причинностно связаны	(1) действие имеет смысл и должно быть понятным на этом уровне; (2) действие создает новые паттерны, которые подпадают под социологическому анализу	Концептуальная работа должна быть индустрирована из тщательного изучения и сравнения эмпирических случаев

Окончание табл. 1

Ведущие теоретики	Абстрактные законы	Причинность	Типологии	Структурные сходства	Метатеория	Индукция vs. дедукция
Эмиль Дюркгейм (1858–1917)	Регулярности в человеческой организации можно артикулировать	Первые и конечные причины всегда должны быть оценены — то есть необходимо определить предшествующие условия и функции феномена	Полезны для улавливания переменных состояний феномена	Необходимы для выявления социальных паттернов. Мало таких сходств действительно артикулированы	(1) организмическая аналогия: феномены обнаруживают системные свойства; (2) эксплицитный функционализм: необходим для определения интегративных потребностей, которым служат социальные феномены	Наблюдение за эмпирическими и историческими событиями, чтобы сформировать базу для причинностей и функциональных утверждений
Вильфредо Парето (1848–1923)	Социология может следовать за физикой и выявлять инвариантные законы социальной организации и изменений	Анализ односторонней причинности препятствует социологическому эмпирическому исследованию. Нужно сосредоточиться на взаимных связях феноменов	Полезны при описании изменяющихся состояний феноменов	Социальные феномены варьируют вместе, следовательно, и эмпирические описания паттернов ковариации (covariation) критичны для социологического анализа	(1) социальные феномены проявляют равновесные тенденции; (2) изменения обнаруживают циклические паттерны	Теория должна базироваться на наблюдениях, и наоборот
Георг Зиммель (1858–1918)	Законы социации можно выявить. Малый интерес к эксплицитной артикуляции	Не касается	Не касается	Необходимо раскрыть базовые формы социального взаимодействия. В действительности почти не работано	Социальные феномены обнаруживают основные формы, которые можно описать	Имплицитный акцент на индукции
Джордж Герберт Милл (1863–1931)	Можно формулировать фундаментальную природу отношений между индивидами и паттернами социальной организации. При этом меньшая заинтересованность в формальных законах	Не касается	Не касается	Не касается, за исключением того, чтобы показать, что дух (mind), самость (self) и общество взаимосвязаны	(1) дух (mind) и самость (self) представляют собой поведение; (2) социальная организация не может существовать без духа (mind) и самости (self), и наоборот	Не поддерживает ни то, ни другое, но схема является имплицитно дедуктивной

Источник: [Turner, 1979: p. 434–436].

весные тенденции и их циклическое непостоянство); 3) философия (диалектическое развитие и конфликтность познаваемых феноменов, понимание смысла социальных действий); 4) психология (поведенческая природа социальных феноменов). На этой метатеоретической почве ранние ведущие теории социологии (табл. 1) сумели обнаружить четыре фундаментальных процесса в социальном мире — дифференциацию, интеграцию, распад и взаимодействия [Turner, 1979: p. 439]. Спецификация первых трех из них является европейским теоретическим вкладом в социологию, а спецификация последнего — явно североамериканским вкладом (Дж. Мида). В совокупности эти (мета)теоретические наработки оказались весьма надежной основой социологического теоретизирования последующих десятилетий.

Тернер применил свою классификацию ключевых составляющих теоретических стратегий и для выявления (мета)теоретических особенностей американской социологии 1940–1970-х годов (табл. 2).

Несмотря на констатированные благоприятные теоретические предпосылки в мировой социологии, поиск абстрактных законов социальной жизни по образцам законов естественных наук не стал приоритетным и в американской социологии. Ближе всего к воплощению этой задачи оказалось теоретизирование социального обмена, в русле которого были предложены абстрактные принципы соответствующего обменного процесса как некое подобие инвариантных законов. Выяснение причинности исследуемых социальных феноменов превратилось в доминирующий интерес теоретизирования. Применение методов типологизации и выявления структурного сходства в основном осталось актуальным в рамках уже традиционных направлений функционализма и теории конфликта и было мало- или неактуальным в рамках новых теоретических перспектив социального обмена и этнометодологии. Повысилась значимость дедуктивного метода в теоретическом строительстве, который начал применяться наравне с методом индуцирования теории. Метатеоретические устои функционализма, теории конфликта и символического интеракционизма (табл. 2) остались фактически неизменными с тех пор, когда были заложены классиками-основателями этих направлений еще в течение первого столетия развития социологии (табл. 1). Метатеоретические основы теории социального обмена имели психологическое и экономическое научное происхождение, а этнометодологии — философское и психологическое.

В целом по итогам анализа теоретической деятельности в американской социологии 1940–1970-х годов зафиксировано две тенденции: 1) фокусирование на классификациях, причинности и метатеоретических устоях стало преобладать над поисками законов социальной организации; 2) в социологическом воображении воцарилась обеспокоенность эмпирическими описаниями эмпирических событий [Turner, 1979: p. 452]. В противовес этому желаемые альтернативы Тернер усматривал в раскрытии основных и общих свойств социального мира, выделении этих свойств в виде серии абстрактных теоретических принципов и направлении эмпирических исследований на развитие или подтверждение теории. Но учитывая различные метатеоретические предпосылки, сравниваемые теоретические перспективы (табл. 2) сосредоточились и закрылись на изучении некоего ограниченного диапазона социальных феноменов: социальных функциях, конфликтах, обменах, символических взаимодействиях или “фольклорных” методах, или этноме-

Таблица 2
Стратегические составляющие теоретических перспектив в американской социологии 1940–1970-х годов

Теоретические перспективы	Абстрактные законы	Причинность	Типологии	Структурное сходство	Метатеория	Индукция vs. дедукция
Функционализм	Социология должна выполнять значительную преварительную концептуальную работу, прежде чем эти законы могут быть адекватно артикулированы	Выявление того, как системные части обуславливают вариации в состояниях системы целого — самое главное	Разработка типологий, которые схватывают изменяющиеся черты социального мира, является необходимой предпосылкой для теории	Описание эмпирических корреляций между структурами — самое главное	Имплитная организмическая аналогия: социальные феномены нужно анализировать как систему взаимосвязанных частей с оценкой важности частей для социального целого	Как индукция, так и дедукция существуют, хотя акцент делается на разработке абстрактных утверждений, из которых следует осуществлять дедукции к эмпирическим случаям
Теория конфликта	Расхождения в этом вопросе: (а) марксисты подчеркивают временные границы абстрактных законов; (б) немарксисты больше заинтересованы в законах конфликта	Условия, которые приводят к конфликтам, являются основной темой теоретической активности	Не считается жизненно важным, хотя существует немало типологий по типам конфликтов	Необходимо для понимания условий продуцирования конфликтов	(а) диалектика; распределение власти в структурах провоцирует конфликты; (б) изменение через конфликт: конфликт является основным источником изменения системы	Риторика дедукции, но большинство анализов ограничиваются эмпирическими характеристиками специфических эмпирических случаев — историческими и современными
Теория обмена	Абстрактные принципы обмена, а не предшествующий процесс существует для теоретической деятельности в социологии	Причинность менее существенна, чем объясняющие согласно "охватывающим законам" обмена	Мало	Мало; интерес больше связан с законами артикуляции законов (laws articulation of laws)	Социальная реальность структурирована вокруг обмена приобретениями	Акцент делается на дедуктивном объяснении
Интеракционизм	Несогласия по этому вопросу: (а) некоторые утверждают, что творческие способности акторов делают поиски законов бесплодными или всегда условными; (б) другие считают, что развите законов социализации, социального контроля и взаимодействия необходимо	Причины разных типов личности и модулы (types) взаимодействия занимают центральное место в анализе; важен акцент на причинах девиации и личности	Мало	Мало; есть интерес к микропроцессам	Социальная реальность построена и поддерживается путем символического взаимодействия	Акцент делается на индукции из эмпирических наблюдений
Этнометодология	Отрицание, хотя большинство утверждает, что можно выявить законы интерсубъективности и "фольклорные методы"	Причина использования разных "фольклорных методов" составляет доминантный интерес	Фактически нет; акцент делается на процессах и ситуациях	Никакие; ударение делается на процессах в ситуациях. Существование социальных структур исключено из анализа	Социальная реальность конструирована методами, используемыми людьми дляобретения чувств или преумпции, что они разделяют один мир	Акцент на индукции "фольклорных" методов от реальных эмпирических наблюдений

Источник: [Turner, 1979; p. 448–450]

годах. Из-за подобной предметной ограниченности эти теоретические перспективы в конце 1970-х годов не достигли согласованности в своих усилиях для плодотворной интеграции творческого наследия классиков социологии (табл. 1), определивших главные фундаментальные процессы социального мира — дифференциацию, интеграцию, распад и взаимодействие. В целом метаанализ теоретического корпуса социологии Тернера был довольно аргументированным диагнозом тогдашнего состояния социологического теоретизирования и послужил предпосылкой его дальнейшего развития в последующие десятилетия.

Выводы

Осуществленный обзор дает основания для ряда выводов. Во-первых, генезис социологического метатеоретизирования проходил в значительной мере в США и осуществлялся в основном силами североамериканских теоретиков. Это наблюдение подтверждают и эмпирические данные. В частности, по состоянию на 1978–1979-е годы зафиксировано 25 социологических публикаций по метатеоретической проблематике, обнародованных в США (20 публикаций), в Западной Германии (2 публикации), в Италии (1 публикация), Испании (1 публикация) и Польше (1 публикация) [Fuhrman, Snizek, 1990: p. 33-34]. Это обусловлено тем, что в первые послевоенные десятилетия интеллектуальное лидерство в мировой социологии принадлежало американским исследователям. Во-вторых, социологическое метатеоретизирование глубоко укоренено в философской общенаучной почве — в его логических, диалектических, аксиологических, этических, методологических составляющих. В то же время источником исходных метатеоретических предположений, которые инициировали новые версии теоретизирования, была рецепция плодотворных идей из других наук — биологии, психологии и экономики. В-третьих, уже на этапе генезиса социологического метатеоретизирования в 1960–1970-х годах начали выделяться его критическая (Л.Гросс, М.Оверингтон) и позитивистская (Дж.Тернер) перспективы. В-четвертых, в течение рассматриваемого периода социологическое метатеоретизирование получило очевидное развитие, проявлением которого является конкретизация — углубление анализируемой проблематики теоретизирования. Перспективы дальнейших исследований данной проблематики будут определять легитимация и институционализация социологического метатеоретизирования в научном и образовательном дискурсе в течение 1980–1990-х годов.

Источники

Батыгин, Г. С. (2003). Структурный функционализм Толкотта Парсонса. *Вестник РУДН. Социология*, 4–5, 6–34.

Вебер, М. (1998). Про деякі категорії соціології розуміння. В М. Вебер, *Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політика* (с. 104–156). Київ: Основи.

Вебер, М. (2012). Господарство і суспільство: нариси соціології розуміння. Київ: Весвіт.

Девятко, И. Ф. (2017). Метатеоретизирование или философия социальных наук? *Социологические исследования*, 12, 3–9.

- Дудина, В. И. (2017). Стратегии метатеоретизирования в социологии. *Социологические исследования*, 12, 10–19.
- Иванов, Д. В. (2017). Тренд метатеоретизирования в современной социологии. *Социологические исследования*, 11, 3–10.
- Йоас, Х., Кнебель, В. (2011). *Социальная теория. Двадцать вводных лекций*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кант, И. (2000). *Критика чистого разума*. Київ: Юніверс.
- Кун, Т. (2001). *Структура наукових революцій*. Київ: Port-Royal.
- Мангайм, К. (2008). *Ідеологія та утопія*. Київ: Дух і літера.
- Парсонс, Т. (2002). О теории и метатеории. В С. П. Баньковская (Ред.), *Теоретическая социология. Антология в 2-х ч.*; Ч. 2 (с. 43–60). Москва: Книжный дом “Университет”.
- Пилипенко, В. (2017). Метатеоретизування в соціології: особливості, типи та напрями. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 59–76.
- Поппер, К. (1994а). Відкрите суспільство та його вороги. В К. Поппер, *Праці в 2 тт.*; Т. 1: У полоні Платонових чарів. Київ: Основи.
- Поппер, К. (1994б). Відкрите суспільство та його вороги. В К. Поппер, *Праці в 2 тт.*; Т. 2: Спалах пророцтва: Гегель, Маркс та послідовники. Київ: Основи.
- Резнік, В. С. (2010). Легітимація приватної власності як концепт соціологічної теорії. Київ: Інститут соціології НАН України.
- Ритцер, Дж. (2002). *Современные социологические теории*. Санкт-Петербург: Питер.
- Тернер, Дж. (1985). *Структура социологической теории*. Москва: Прогресс.
- Тьоніс, Ф. (2005). Спільнота та суспільство. Основні поняття чистої соціології. Київ: Дух і літера.
- Яковенко, А. В. (2017). Метатеоретизирование: основные социальные препятствия и сложности. *Социологические исследования*, 11, 11–18.
- Ясперс, К. (2009). *Психологія світоглядів*. Київ: Юніверс.
- Brown, R. H. (1979). Epistemological Scandal or Sociological Liberation: A Note on Overington’s “Doing the What Comes Rationally”. *The American Sociologist*, 14 (1), 14–17.
- Cole, S. (1979). Comments on Paper by Michael A. Overington. *The American Sociologist*, 14 (1), 17–19.
- Fuhrman, E., Snizek, W. (1990). Neither Proscience nor Antiscience: Metasociology as Dialogue. *Sociological Forum*, 5 (1), 17–36.
- Furfey, P. H. (1953). *The Scope and Method of Sociology: A Metasociological Treatise*. New York: Harper and Brothers.
- Furfey, P. H. (1965). *The Scope and Method of Sociology: A Metasociological Treatise*. New York: Cooper Square Press.
- Gieryn, T. F. (1979). School for Scandal: Comment on Overington. *The American Sociologist*, 14 (1), 19–21.
- Gross, L. (1961). Preface to a Metatheoretical Framework for Sociology. *American Journal of Sociology*, 67 (2), 125–136.
- Hymes, D. H. (1979). Comments on Michael A. Overington. *The American Sociologist*, 14 (1), 24–26.
- Overington, M. A. (1979). Doing the What Comes Rationally: Some Developments in Metatheory. *The American Sociologist*, 14 (1), 2–12.
- Parsons, T. (1961). Comment on Llewellyn Gross, “Preface to a Metatheoretical Framework for Sociology”. *American Journal of Sociology*, 67 (2), 136–140.
- Parsons, T. (1979). On Theory and Metatheory. *Humboldt Journal of Social Relations*, 7 (1), 5–16.
- Turner, J. H. (1979). Sociology as a Theory Building Enterprise: Detours from the Early Masters. *The Pacific Sociological Review*, 22 (4), 427–456.

Матеріал отримано 18.04.2018

References

- Batygin, G. S. (2003). Talkott Parsons's Structural Functionalism. [In Russian]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). Sociology*, 4–5, 6–34. [= Батыгин 2003]
- Brown, R. H. (1979). Epistemological Scandal or Sociological Liberation: A Note on Overington's "Doing the What Comes Rationally". *The American Sociologist*, 14 (1), 14–17.
- Cole, S. (1979). Comments on Paper by Michael A. Overington. *The American Sociologist*, 14 (1), 17–19.
- Deviatko, I. F. (2017). Metatheorising or Philosophy of Social Sciences? [In Russian]. *Sociological Studies*, 12, 3–9. [= Демятко 2017]
- Dudina, V. I. (2017). Strategies of Metatheorising in Sociology. [In Russian]. *Sociological Studies*, 12, 10–19. [= Дудина 2017]
- Fuhrman, E., Snizek, W. (1990). Neither Proscience nor Antiscience: Metasociology as Dialogue. *Sociological Forum*, 5 (1), 17–36.
- Furfey, P. H. (1953). *The Scope and Method of Sociology: A Metasociological Treatise*. New York: Harper and Brothers.
- Furfey, P. H. (1965). *The Scope and Method of Sociology: A Metasociological Treatise*. New York: Cooper Square Press.
- Gieryn, T. F. (1979). School for Scandal: Comment on Overington. *The American Sociologist*, 14 (1), 19–21.
- Gross, L. (1961). Preface to a Metatheoretical Framework for Sociology. *American Journal of Sociology*, 67 (2), 125–136.
- Hymes, D. H. (1979). Comments on Michael A. Overington. *The American Sociologist*, 14 (1), 24–26.
- Ivanov, D. V. (2017). The Trend of Metatheorising in Contemporary Sociology. [In Russian]. *Sociological Studies*, 11, 3–10. [= Иванов 2017]
- Jaspers, K. (2009). *Psychologie der Weltanschauungen*. [In Ukrainian]. Kyiv: Universe. [= Ясперс 2009]
- Joas, H., Knöbl, W. (2011). *Sozialtheorie: Zwanzig einführende Vorlesungen*. [In Russian]. Saint Petersburg: Aleteia. [= Йоас 2011]
- Kant, I. (2000). *Kritik der reinen Vernunft*. [In Ukrainian]. Kyiv: Universe. [= Кант 2000]
- Kuhn, T. (2001). *The Structure of Scientific Revolutions*. [In Ukrainian]. Kyiv: Port-Royal. [= Кун 2001]
- Mannheim, K. (2008). *Ideologie und Utopie*. [In Ukrainian]. Kyiv: Spirit and Letter. [= Мангайм 2008]
- Overington, M. A. (1979). Doing the What Comes Rationally: Some Developments in Metatheory. *The American Sociologist*, 14 (1), 2–12.
- Parsons, T. (1961). Comment on Llewellyn Gross, "Preface to a Metatheoretical Framework for Sociology". *American Journal of Sociology*, 67 (2), 136–140.
- Parsons, T. (1979). On Theory and Metatheory. *Humboldt Journal of Social Relations*, 7 (1), 5–16.
- Parsons, T. (2002). On Theory and Metatheory. [In Russian]. In S. P. Ban'kovskaia (Ed.), *Theoretical Sociology. Anthology in 2 parts.*; Part 2 (pp. 43–60). Moscow: University Book House Press. [= Парсонс 2002]
- Popper, K. (1994a). The Open Society and Its Enemies. [In Ukrainian]. In K. Popper, *Works in 2 vol.*; Vol. 1: The Spell of Plato. Kyiv: The Basics. [= Поннер 1994a]
- Popper, K. (1994b). The Open Society and Its Enemies. [In Ukrainian]. In K. Popper, *Works in 2 vol.*; Vol. 2: The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath. Kyiv: The Basics. [= Поннер 1994b]
- Pylypenko, V. (2017). Metatheorising in Sociology: Key Features, Types and Approaches. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 59–76. [= Пилипенко 2017]

Reznik, V. S. (2010). *Legitimation of Private Ownership as a Concept for Sociological Theory*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Резнік 2010]

Ritzer, G. (2002). *Modern Sociological Theory*. [In Russian]. Saint Petersburg: Piter. [= Ритцер 2002]

Tönnies, F. (2005). *Gemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie*. [In Ukrainian]. Kyiv: Spirit and Letter. [= Тьоніс 2005]

Turner, J. H. (1979). Sociology as a Theory Building Enterprise: Detours from the Early Masters. *The Pacific Sociological Review*, 22 (4), 427–456.

Turner, J. (1985). *The Structure of Sociological Theory*. Moscow: Progress.

Weber, M. (1998). Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie. [In Ukrainian]. In M. Weber, *Soziologie. Weltgeschichtliche Analysen. Politik* (pp. 104–156). Kyiv: The Basics. [= Бебєр 1998]

Weber, M. (2012). *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. [In Ukrainian]. Kyiv: Universe (Vsesvit). [= Бебєр 2012]

Yakovenko, A. V. (2017). Metatheorising: The Main Social Obstacles and Difficulties. [In Russian]. *Sociological Studies*, 11, 11–18. [= Яковенко 2017]

Received 18.04.2018